

**Отзыв официального оппонента о диссертации Молькова Георгия
Анатольевича «Лингвистическое и палеографическое исследование
древнерусской рукописи Милятино евангелие (РНБ, Ф.п.І.7)»,
представленной на соискание ученой степени кандидата
филологических наук по специальности 10.02.01 — «Русский язык»**

Диссертационное исследование Г. А. Молькова посвящено языку и палеографии важнейшего восточнославянского письменного памятника — рукописи РНБ, Ф.п.І.7, известной как Милятино евангелие (далее — МЕ). Несмотря на то что кодекс давно введен в научный оборот и неоднократно привлекал внимание исследователей, до настоящего момента его монографическое описание не предпринималось. Актуальность подобного рода исследований не должна вызывать сомнений, поскольку комплексное изучение древнейших письменных памятников является непременным условием дальнейшего расширения и углубления наших знаний об истории русского языка. Важность исследования Г. А. Молькова тем более очевидна, что вопрос датировки МЕ до настоящего времени остается дискуссионным, в то время как цитатный материал памятника активно используется специалистами для иллюстрации тех или иных языковых процессов.

Наблюдения над кодикологией МЕ изложены в первой главе диссертации. На основании множества палеографических примет Г. А. Мольков приходит к выводу о том, что рукопись была создана в начале XII в. (не позднее первой половины XII в.). Помимо стандартных для палеографического описания элементов графической системы писцов, Г. А. Мольков тщательно анализирует некнижные черты почерка писца Б. Палеографические особенности бытовой письменности детально описаны в работах А. А. Зализняка, тем не менее общий малый (в сравнении с книжными текстами) объем сохранившихся берестяных грамот

ограничивает развитие этого направления. Анализ нефункциональных графических элементов почерка второго писца МЕ согласуется с ранней датировкой кодекса, т.е. выводами, сделанными на основании рассмотрения стандартных аспектов палеографии, графики и орфографии памятника. Это, мы полагаем, говорит о перспективности подобного рода палеографических исследований.

Критерии описания орфографических систем, представленные во второй главе диссертации, вполне традиционны. В то же время нельзя не отметить тот факт, что материалы МЕ анализируются с особой тщательностью и на каждом этапе сравниваются с показаниями других памятников раннедревнерусского периода. Особый интерес, на наш взгляд, представляют наблюдения автора о специфической зависимости выбора различных вариантов флексии ТП ед. от типа склонения имен. Выделенные Г. А. Мольковым закономерности, как кажется, ранее не отмечались исследователями, но даже если обнаруженные навыки имеют индивидуальный характер и являются лишь частью идиосистемы основного писца МЕ (Домки), выявление подобных фактов, несомненно, представляет ценность, поскольку расширяет наши представления об эволюции книжной нормы и процессах формирования профессиональных навыков книжников Древней Руси.

В третьей главе диссертации представлен детальный разбор употребления еров в корнях и аффиксах. То обстоятельство, что МЕ не отражает системного падения редуцированных, имеет принципиальное значение для датировки кодекса.

Четвертая глава посвящена морфологическим особенностям МЕ. Здесь автор рассматривает не только инновационные формы, представленные в тексте памятника, но также и ряд других явлений, не связанных напрямую с развитием восточнославянских диалектов, однако раскрывающих индивидуальные предпочтения писцов, их попытки

систематизации дублетных морфологических вариантов (стяженные и нестяженные формы имен прилагательных, причастий, имперфекта). Г. А. Мольков отмечает параллелизм в распределении в тексте писца А (Домки) графических и некоторых морфологических дублетов, их зависимость от позиции конца строки. Важно в данном случае то обстоятельство, что попытка упорядочить стяженные и нестяженные формы наблюдается только для имен прилагательных, т.е. той категории, которая использовалась в живой речи восточных славян XII в.

Г. А. Молькову удалось весьма обстоятельно рассмотреть процесс создания МЕ, проанализировать языковые особенности рукописи и разобрать профессиональные навыки и предпочтения книжников, участвовавших в работе над кодексом. Тщательность, с которой автор квалификационной работы разбирает орфографические явления, не кажется чрезмерной. Полученные выводы, интерпретации отраженных в тексте памятника явлений основаны на детальном подсчете форм и орфограмм, их количественном соотношении и закономерностях появления в рукописи. Описание графико-орфографических особенностей, анализ лингвистических фактов, найденных в МЕ, представляет ценный фактический материал для дальнейшего теоретического осмысления важных вопросов истории русского языка.

Важнейшим результатом работы Г. А. Молькова, несомненно, является комплексное обоснование ранней датировки МЕ. Выводы автора согласуются с гипотезой В. Л. Янина о принадлежности МЕ Лазаревскому скрипторию и тождестве писца А и писца, участвовавшего в работе над новгородскими минеями конца XI в. При этом сам по себе факт ранней датировки памятника важен прежде всего для уточнения хронологии отражения в древнерусских памятниках языковых инноваций.

Следует отметить четкую структуру обсуждаемого исследования. Текст работы отличает ясный язык и точный способ изложения мысли.

Критические замечания, которые возникают в процессе чтения диссертации, очень незначительны. Они относятся лишь к отдельным интерпретациям орфографических явлений и не влияют на основные выводы автора:

1. При описании орфограмм, связанных с употреблением местоимения *вьсь*, Г. А. Мольков допускает, как мы полагаем, некоторые неточности. Так, на с. 154 автор пишет о том, что в корне мест. *вьс-* редуцированный в древненовгородском диалекте находился в абсолютно слабой позиции. Далее, на с. 157—158, диссертант отмечает, что в формах прямых падежей ед. ч. писец Б употребляет только написание **вьсь** (без редуцированного). При этом облик данного корня с ерем исследователь рассматривает как книжный, тогда как стандартная для второго (неквалифицированного) писца орфограмма **вьсь** лучше проясняет диалектное произношение этой лексемы. К сожалению, нам не совсем ясно, каким образом написание **вьсь** соотносится с диалектным обликом данного местоимения, поскольку в древненовгородском диалекте в корне *вьс-* (*вьх-*) редуцированный не был абсолютно слабым, и если говорить о прямых падежах, то только в ИП ед. редуцированный был слабым (*вьхе*), тогда как в ВП ед. м.р. редуцированный находился в сильной позиции (*вьхъ*, *вьхь*). В любом случае мы полагаем, что автору квалификационной работы следовало бы более эксплицитно выразить свою мысль о причинах предпочтения вторым писцом МЕ орфограммы **вьсь**.

2. Анализируя форму *нъзвло/къше*, Г. А. Мольков приходит к выводу о ее диалектной природе, ставя ее в один ряд с примерами *во брозъ*, *мловнла* в берестяной грамоте №731 (вероятно, 50-е — 70-е гг. XII в.). Такая интерпретация кажется не совсем обоснованной. В берестяной грамоте № 731 представлен графический эффект **ъ**→**о**, т.е. графема **ъ** в тексте этого памятника отсутствует. Соответственно, за этими

написаниями, скорее всего, стоит чтение [въ бръзѣ] и [мльвила] (с редуцированными после плавных). Если же предполагать, что в речи автора грамоты № 731 редуцированных уже не было и данные формы произносились им с гласными полного образования, то такая рефлексация праславянских сочетаний типа **tbrt* должна являться результатом естественного фонетического развития групп типа **tbrbt* и **trbt*. Поскольку МЕ, как считает сам диссертант, было создано на полвека раньше берестяной грамоты № 731 и не отражает следов падения редуцированных, пример *нъзвло/къше* требует иного объяснения.

3. Г. А. Мольков совсем не рассматривает способы отражения в тексте МЕ напряженных редуцированных. В раннедревнерусский период в позиции [ѣ] и [й] внутри слов были возможны два типа орфограмм: с обозначением данных звуков посредством графем **ѣ**, **и** либо **ѣ**, **ь**. Интерес в данном случае может представлять соотношение данных орфограмм в тексте. В то же время при рассмотрении морфологических явлений (а именно смешения форм ИП и ВП мн. имен существительных) Г. А. Мольков отмечает в тексте МЕ пример, в котором конечный **ѣ** в позиции перед **и** обозначен на письме графемой **ѣ**: *законъ и про/роцн до нъа́на* 108а. «В данном случае, — пишет автор, — конечное -ѣ, видимо, обусловлено неморфологическими (фонетическими) причинами. В чтении (Лк 16: 16) следует ожидать форму ед. числа, ср. в ЗЕ: *законъ і пророцн до іо́анна* (Jagić 1954: 117)» (с. 200). Однако фонетический переход конечного **ѣ** в **ѣ** наблюдается, как правило, в позиции перед последующим местоимением *и* [jь], но не перед союзом *и* (*ei). Данный пример, таким образом, требует более развернутого комментария, чем тот, что предлагает Г. А. Мольков. Кроме того, случаи перехода конечных **ѣ** и **ь** в **ѣ** и **и** могут быть связаны с определенным диалектным регионом. Как известно, А. А. Шахматов утверждал, что подобные примеры типичны

прежде всего для южнорусских памятников (*Schachmatow A. Beiträge zur russischen Grammatik // Archiv für slavische Philologie. 1884. Vol. 7. S. 73*) (впрочем, А. И. Соболевский отмечал подобные примеры и в северо-западных рукописях — *Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М., 1907. С. 38*).

4. Не меньший интерес представляет (в том числе в связи с вопросом датировки МЕ) соотношение лигатурных и развернутых написаний предлога/префикса *оть(-)*, которому Г. А. Мольков, на наш взгляд, уделяет незаслуженно мало внимания. В. М. Марков, анализируя язык Путятиной минеи, отмечал, что наиболее древним восточнославянским рукописям свойственно преобладание развернутых написаний *отъ(-)*, однако со временем ситуация начинает меняться и лигатурное написание практически полностью вытесняет нелигатурное (*Марков В. М. К истории редуцированных гласных в русском языке. Казань, 1964. С. 13*). Марков высказывает свое предположение очень осторожно, и ценность этих орфографических примет для уточнения узкой датировки рукописей может вызывать сомнения. Тем не менее стоит учесть, что в большинстве памятников XI в. действительно предпочтение отдается развернутым написаниям. Точно так же развернутые написания абсолютно доминируют в памятнике начала XII в. — Мстиславовом евангелии. Однако в новгородских служебных минеях 1095—1096 гг., с которыми Г. А. Мольков часто сравнивает МЕ, в позиции *оть(-)* как раз преобладает лигатура.

Стоит подчеркнуть, что последние два замечания носят рекомендательный характер. Критерии орфографического описания рукописи могут варьироваться, и исследователь сам вправе определять наиболее существенные аспекты анализа представленной в тексте языковой системы. Региональная принадлежность МЕ не вызывает сомнений, а точка зрения о ранней датировке кодекса, которую отстаивает

Г. А. Мольков, подтверждается целым комплексом палеографических и орфографических примет, поэтому в данном случае вопрос о способах передачи на письме предлога/префикса *оть(-)* имеет второстепенное значение.

Диссертация Г. А. Молькова характеризует ее автора как самостоятельного, оригинально мыслящего исследователя, в полной мере понимающего сложность языковой организации древнерусского текста. Выводы и заключения, полученные автором, достоверны и обоснованны. Основные положения диссертации адекватно отражены в публикациях и автореферате, диссертация полностью отвечает всем критериям, установленным Постановлениям Правительства РФ от 24 сентября 2013 года (в редакции от 30.07.2014), а ее автор заслуживает присуждения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 — «Русский язык».

Ладыженский Игорь Михайлович,
кандидат филологических наук,
научный сотрудник
отдела древнерусского языка
Федерального государственного
бюджетного учреждения науки
«Институт русского языка
им. В. В. Виноградова» РАН

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2.
Телефон: (+7 495) 695-26-60
<http://www.ruslang.ru/>
ladij@mail.ru

